ТЕНЬ НА СТЕКЛЕ
он подчинил ее себе
18+

Ирина Медь

ТЕНЬ НА СТЕКЛЕ

https://litres.ru/74059704
SelfPub; 2026

Аннотация

Ирина Волкова — идеальный аудитор, образцовая жена, невидимка. До того дня, когда в её стерильный мир ворвался он.

Дмитрий Зорин. Архитектор. Хаос. Мужчина, который видит её насквозь и не хочет играть по правилам.

Одна встреча. Один поцелуй на холодном бетоне недостроенного небоскреба. Один выбор, который разрушит всё, что она строила так долго.

Страсть, которая пробуждает. Ложь, которая разъедает. И вопрос, на который нет безопасного ответа: что важнее — чужое одобрение или собственная жизнь?

Ирина Медь
ТЕНЬ НА СТЕКЛЕ

Москва просыпалась неохотно. Серое, низкое небо давило на город, превращая утренний свет в мутную, водянистую субстанцию. Дождь, начавшийся еще ночью, не собирался прекращаться. Он монотонно барабанил по лобовому стеклу черного такси, размывая огни Садового кольца в акварельные пятна желтого, красного и белого. За окном проплывали силуэты спящих домов, мокрые асфальтовые ленты дорог и редкие фигурки людей, спешащих под зонтами к метро.

Ирина Александровна Волкова сидела на заднем сиденье, выпрямив спину. Она никогда не расслаблялась в машине, даже когда была одна. Привычка держать контроль над каждым сантиметром своего тела въелась в нее глубже, чем любые морщины. В тридцать два года Ирина знала о себе всё, кроме одного: кто она такая на самом деле, если убрать все социальные роли.

Она поправила очки в тонкой золотой оправе. Стекла были чистыми, без единого отпечатка пальца. Взгляд в зеркале заднего вида встретился с её собственным отражением. Бледное, почти прозрачное лицо. Аккуратно убранные в тугой пучок темные волосы, ни одного выбившегося локона, ни одной непослушной пряди. Строгий черный костюм из итальянской шерсти, скрывающий фигуру, которую она счи-

тала слишком мягкой, слишком женственной для серьезной работы, требующей железной логики. Губы, привычно сжатые в тонкую, бесстрастную линию, были накрашены бледно-розовой помадой — цветом «нюд», цветом невидимости.

«Ирина Александровна Волкова. Тридцать два года. Старший аудитор в компании „Гранит“. Замужем одиннадцать лет. Владелец двухкомнатной квартиры в спальном районе. Обладательница идеальной кредитной истории.»

Список можно было продолжать. Цифры. Факты. Доказательства успешности. Цифры не лгали. Они не изменяли, не оставляли грязные носки посреди гостиной, не забывали о годовщинах и не смотрели сквозь тебя, когда ты говорила о чем-то важном. Цифры были чистыми, понятными и предсказуемыми. Как и её жизнь.

Но сегодня баланс сошелся неправильно.

В груди, где-то под ребрами, ныло странное, глухое чувство. Не боль. Скорее, пустота. Ощущение, что внутри выжжено дотла, и остался только пепел рутины. Она чувствовала себя архивом, в котором всё разложено по папкам, подписано и заперто на ключ. Никто не открывал эти папки годами. Даже она сама.

Счастье Ирины было тихим. Оно пахло свежевыглаженным бельем, ужином из трех блюд, приготовленным Алексеем, и абсолютной тишиной их спальни, где они спали, едва касаясь друг друга краями одеял. Одиннадцать лет брака превратили страсть в вежливую привычку, а любовь — в

набор взаимных обязанностей. Ирина любила Алексея. Она уважала его надежность, его спокойствие, его предсказуемость. Но она не горела рядом с ним. Она тлела. Медленно, незаметно, угасая, как свеча в закрытой банке, где заканчивается кислород.

— Приехали, — голос водителя вырвал её из размышлений.

Такси плавно остановилось у входа в бизнес-центр «Гранит». Здание вздымалось над городом стеклянной иглой, отражая серое небо и собственные амбиции. Здесь царил порядок. Здесь цифры имели вес. Здесь Ирина чувствовала себя в безопасности, потому что здесь правила были просты: есть дебет, есть кредит, и они должны сходиться. Если они не сходились, значит, кто-то ошибся. А ошибки можно исправить.

Ирина вышла под большим черным зонтом. Холодный ветер трепнул полы её пальто, заставив поежиться. Она ускорила шаг, направляясь к вращающимся дверям. Охранник на посту кивнул ей, узнавая постоянную клиентку.

— Доброе утро, Ирина Александровна.

— Доброе утро, Петр, — ответила она, не останавливаясь.

В лифте, пока кабина стремительно набирала высоту, Ирина проверила телефон. Экран осветил её лицо холодным синим светом. Одно новое сообщение. От Алексея.

«Не забудь купить молоко. Люблю тебя».

Она улыбнулась уголками губ. Коротко. Вежливо. Как

всегда. Эта фраза была частью их утреннего ритуала, таким же обязательным, как чистка зубов. «Люблю тебя» здесь означало не страсть, не восхищение, не желание. Оно означало: «Ты часть моей системы, и я ценю твою функцию». Она ценила это. Но иногда, в самые тихие ночи, когда Алексей уже спал, а она лежала с открытыми глазами, ей хотелось получить сообщение, от которого забилось бы сердце. Не спокойное, ровное. А бешеное. Неудержимое. Такое, от которого захотелось бы бежать. Или оставаться.

Ирина заблокировала экран и убрала телефон в сумку из натуральной кожи. Сумка была тяжелой, набитой документами, ноутбуком и папками с отчетами. Вес привычный. Утешающий.

На двадцать пятом этаже двери лифта открылись. Офис «Гранита» встретил её гулом клавиатур, звонками телефонов и запахом дешевого кофе, смешанным с ароматом дорогой парфюмерии. Секретарша Света, молодая девушка с вечно испуганными глазами, вскочила из-за стола, увидев Ирину.

— Ирина Александровна! Вы вовремя.

— Я всегда вовремя, Светлана, — спокойно ответила Ирина, проходя мимо. — Что у нас по расписанию?

Света засеменила следом, держа в руках планшет.

— В десять утра совещание с отделом налогов. В одиннадцать — звонок с клиентами из Санкт-Петербурга. И... — она запнулась, понизив голос. — Вас ждет партнер. Андрей

Викторович. И еще... там архитекторы из бюро «Зодчий». По проекту «Небесный Сад». Они настаивают на личной встрече с вами прямо сейчас. Говорят, вопрос срочный.

Ирина остановилась. «Небесный Сад». Этот проект висел на ней уже месяц. Жилой комплекс премиум-класса, стройка которого шла с опозданием и перерасходом бюджета. Её задача была простой: найти, куда утекают деньги, и указать виновных. Обычно такие встречи проходили сухо, по протоколу, через почту и официальные запросы. Личные встречи с подрядчиками были признаком слабости или непрофессионализма.

— Кто именно настаивает? — спросила Ирина, снимая пальто и передавая его Свете.

— Главный архитектор. Дмитрий Зорин.

Имя прозвучало как удар хлыста. Ирина замерла, поправляя манжету блузки. Она слышала о нем. Много. Дмитрий Зорин был звездой архитектурного мира Москвы. Гений. Скандалист. Человек, который мог уволить целую бригаду одним взглядом и влюбиться в музу за одну ночь, чтобы на следующее утро забыть её имя. Его проекты называли «поэзией в бетоне», но бухгалтеры называли их «кошмаром аудитора». Его имя мелькало в деловых новостях рядом с судебными исками, грандиозными выставками и скандальными романами. Он был хаосом. А Ирина была порядком.

— Хорошо, — сказала Ирина, выпрямляя спину и надевая маску непроницаемости. — Приглашайте в большую пе-

реговорную. Приготовьте кофе. Черный, без сахара. И воду.

— Слушаюсь.

Ирина прошла в свой кабинет. Небольшое, но уютное пространство с панорамным окном, выходившим на серый город. На столе стояла фотография в рамке: она и Алексей на свадьбе. Оба улыбаются, но глаза Ирины на фото кажутся немного пустыми. Она перевернула рамку лицом вниз. Сегодня ей не нужно напоминание о том, какой она должна быть. Сегодня ей нужно быть острой. Как скальпель.

Она села за стол, открыла ноутбук и запустила файл с предварительным аудитом «Небесного Сада». Цифры плясали перед глазами. Перерасход по бетону. Задержки поставок арматуры. Странные платежи субподрядчикам. Всё указывало на халатность или воровство. И теперь ей предстояло смотреть в глаза человеку, который за всем этим стоял.

Через десять минут раздался стук в дверь.

— Войдите, — сказала Ирина, не отрывая взгляда от экрана.

Дверь открылась. Вошел Андрей Викторович, партнер фирмы, полный мужчина с лысиной и вечной улыбкой. А за ним...

Ирина подняла глаза и поняла: слухи преуменьшали реальность.

Дмитрий Зорин стоял в дверном проеме, заполняя собой всё пространство. Высокий, широкоплечий, он казался слишком большим для этого стерильного офисного помеще-

ния. На нем был темно-синий костюм, сшитый, вероятно, на заказ, потому что он сидел на нем так, словно был второй кожей, подчеркивая рельеф мышц и ширину плеч. Рубашка была белой, без галстука, верхняя пуговица расстегнута, открывая ключицы и темную щетину на шее.

Но главное были не одежда и не фигура. Главное были глаза. Светлые, почти прозрачные, цвета грозового неба перед бурей. Они смотрели не просто внимательно, а пронзительно. Будто рентген. Будто он уже видел её насквозь, сквозь костюм, сквозь очки, сквозь годы накопленной брони. В этом взгляде не было осуждения. Был интерес. Охотничий, но не хищный. Скорее, исследовательский. Как будто он нашел в пустой комнате дверь, о которой никто не знал.

— Госпожа Волкова, — его голос был низким, бархатистым, с легкой хрипотцой, которая заставила мурашки пробежать по коже Ирины. — Вы пунктуальны. Это редкость в нашем мире хаоса.

Ирина медленно встала. Она не протянула руку для приветствия. Это была её территория. Её правила.

— Хаос можно структурировать, господин Зорин, — ответила она холодно, указывая на стулья за столом переговоров. — Если знать, где искать ошибки. Проходите.

Дмитрий усмехнулся. Усмешка была ленивой, уверенной. Он прошел в комнату, его движения были плавными, тяжелыми, как у человека, привыкшего занимать пространство. Он не сел сразу. Обошел стол, провел пальцем по поверхно-

сти, проверяя пыль, хотя её там не было. Затем посмотрел на Ирину.

— Ошибки, Ирина Александровна, — произнес он её имя так, будто пробовал его на вкус, растягивая слоги, — иногда бывают самыми интересными деталями конструкции. Без них здание было бы просто коробкой. Без души.

Ирина села, открывая ноутбук. Её пальцы слегка дрожали, но она спрятала руки под стол.

— Моя задача — найти трещины в фундаменте, а не восхищаться архитектурой фасада, господин Зорин. Давайте к делу. У нас мало времени.

Дмитрий наконец сел. Он развалился в кресле, занимая много места. Его длинные ноги вытянулись вперед.

— Время — понятие относительное, — сказал он. — Но если вы хотите цифр, давайте цифры. Хотя предупреждаю: я не люблю, когда копаются в моих чертежах грязными руками бухгалтеров.

— Мои руки чисты, — парировала Ирина, включая проектор. На стене появилось первое слайд-шоу с графиками расходов. — А вот ваши сметы, судя по всему, довольно грязные. Обратите внимание на статью «Логистика». Расходы превышены на сорок процентов. Объясните мне, почему доставка бетона из Карачарова стоит как перелет в Нью-Йорк?

Дмитрий склонил голову набок, изучая график. Свет лампы отбрасывал резкую тень на его профиль.

— Потому что мы возили бетон ночью. Чтобы не мешать жителям соседних домов. Потому что мы использовали специальную марку, устойчивую к вибрациям метро, которое проходит в пятидесяти метрах от котлована. Потому что качество важнее экономии.

— Качество не оправдывает нарушение бюджета, — жестко ответила Ирина. — Инвесторы платят за результат, а не за ваши благородные порывы.

— Инвесторы платят за мечту, — тихо сказал Дмитрий. — А мечта стоит дорого.

Встреча длилась три часа. Три часа интеллектуального фехтования. Ирина атаковала фактами, ссылками на договоры, нормативами СНиП. Дмитрий парировал художественным замыслом, техническими нюансами, харизмой. Он спорил горячо, жестикулировал, иногда повышал голос, но никогда не терял контроля. Его слова были острыми, как лезвие, но всегда точными.

Ирина заметила, как он смотрит на неё. Не на графики. На неё. Когда она объясняла сложную схему налогообложения, он следил за движением её губ. Когда она нервничала и поправляла очки, его взгляд становился тяжелее. Она чувствовала этот взгляд кожей. Он оставлял на ней невидимые следы, как солнечные лучи, пробивающиеся сквозь жалюзи.

К концу встречи оба были вымотаны. Воздух в комнате стал густым, насыщенным напряжением. Оно висело между ними, как натянутая струна, готовая лопнуть от малейшего

прикосновения.

— Вы упрямы, Волкова, — сказал Дмитрий, когда они закончили последний пункт. Он потирал переносицу, выглядя уставшим, но довольным. — И чертовски правы. В большинстве случаев.

— Я просто делаю свою работу, — ответила Ирина, собирая бумаги. Руки всё еще слегка дрожали. От усталости? Или от того, как он смотрел на неё, когда она наклонялась за упавшей ручкой, и ткань её блузки натянулась на спине? Она почувствовала, как его взгляд скользнул по изгибу её талии, по линии бедер, и внутри что-то екнуло. Не страх. Предвкушение.

— Ваша работа — искать недостатки. Моя — создавать совершенство, — Дмитрий встал. Он подошел к столу, оперся на него руками, нависая над ней. Расстояние между ними сократилось до опасного минимума. Ирина почувствовала запах его одеколона — сандал, табак, морская соль и что-то еще, дикое, неуловимое. Металл. Дождь.

— Противоположности притягиваются, — бросила она, рискуя. Слова вылетели сами собой, прежде чем мозг успел их отфильтровать. Она тут же пожалела о них. Это было непрофессионально. Это было опасно.

Дмитрий замер. Его глаза сузились. В полумраке переговорной они казались почти черными.

— Не в этот раз, — тихо сказал он. — В этот раз мы уничтожим друг друга. Или построим что-то новое. Посмотрим.

Он выпрямился, взял свой портфель.

— До встречи, Ирина Александровна. Не забывайте: за каждой цифрой стоит человек. А за каждым человеком — желание.

Он вышел, оставив после себя шлейф запаха и тишину, которая звенела в ушах.

Ирина осталась одна. Она опустилась на стул, чувствуя, как колени становятся ватными. Сердце колотилось где-то в горле.

«Что это было?» — подумала она.

Она посмотрела на свое отражение в черном экране ноутбука. Глаза блестели. Щеки горели румянцем. Губы, обычно сжатые, были чуть приоткрыты.

Впервые за долгие годы она почувствовала себя живой. Не функцией. Не женой. Не аудитором. А женщиной.

И это пугало больше, чем любая проверка налоговой.

Дождь за окном усилился. Капли стекали по стеклу, оставляя мокрые дорожки, похожие на слезы или на следы пальцев. Ирина медленно провела рукой по своему запястью. Кожа была горячей. Пульс бился часто, неровно. Она закрыла глаза и позволила себе на секунду представить: а что, если бы он коснулся её сейчас? Не как коллега. Не как противник. Как мужчина.

Она резко открыла глаза. Встряхнула головой.

«Хватит», — приказала себе она. «Это просто усталость. Просто адреналин. Завтра всё вернется на круги своя».

Но глубоко внутри, где-то под слоями контроля, логики и привычки, что-то уже сдвинулось. Маленькая трещина в фундаменте. Едва заметная. Но неизбежная.

Она собрала вещи, выключила свет и вышла в коридор. Офис был почти пуст. Только Света тихо печатала что-то за своим столом. Ирина прошла мимо, не сказав ни слова. Лифт вез её вниз медленно, будто не хотел отпускать.

На улице дождь уже превратился в морось. Ирина натянула капюшон, вызвала такси и села на заднее сиденье. Телефон завибрировал. Сообщение от Алексея: «Я купил молоко. Жду к ужину. Целую».

Она посмотрела на экран. Потом на свое отражение в мокром стекле такси.

И впервые за одиннадцать лет не ответила сразу.

ГЛАВА 2. ТРЕЩИНА В ФУНДАМЕНТЕ

Дождь за окном такси усилился, превратившись в плотную, звенящую завесу. Капли стекали по стеклу, искажая очертания прохожих, превращая их в размытые, бесплотные тени. Ирина смотрела на город, но не видела его. Перед глазами всё ещё стоял образ Дмитрия Зорина: его светлые, пронзительные глаза, ленивая, уверенная усмешка, тяжелый запах сандала и опасности, который, казалось, въелся в её одежду.

«В этот раз мы уничтожим друг друга».

Эта фраза звучала в голове эхом, выбиваясь из ритма привычных мыслей о списках покупок, квартальных отчетах и ужине. Ирина попыталась встряхнуться, достала телефон, чтобы механически проверить почту. Но пальцы зависли над экраном. Она не хотела работать. Она хотела думать. О нем. О том взгляде, который прошел сквозь её броню, как горячий нож сквозь масло.

Это было неправильно. Опасно. Глупо.

Она заблокировала телефон и закрыла глаза. В груди ныло то самое странное чувство, которое она игнорировала годами. Теперь оно обрело форму. И имя.

Такси остановилось у подъезда её дома. Типичная московская «сталинка» с высокими потолками и лепниной, которую они с Алексеем купили десять лет назад, когда только поженились. Тогда эта квартира казалась дворцом, символом их общей победы над неустроенностью. Сейчас она казалась музеем. Красивым, уютным, но застывшим во времени музеем, где экспонаты не меняли своего положения годами.

Ирина вышла из машины, натянула капюшон пальто и побежала к подъезду, стараясь не промокнуть. Лифт ехал долго, скрипя и подрагивая на каждом этаже. В тусклом зеркале лифта она снова увидела свое отражение. Усталое. Серое. Идеально причесанное и абсолютно пустое.

«Ты в порядке», — сказала она своему отражению. Но изменения были уже не только внешними. Внутри всё сдвину-

лось. Фундамент дал первую, едва заметную трещину.

Дверь квартиры открылась до того, как она успела вставить ключ в замок. Алексей стоял в прихожей, вытирая руки кухонным полотенцем. На нем была мягкая домашняя футболка и спортивные штаны. Волосы слегка растрепаны. Он выглядел расслабленным, домашним, абсолютно безопасным.

— Привет, — улыбнулся он, и в этой улыбке не было ничего, кроме привычной, теплой привязанности. — Ты промокла?

— Немного, — ответила Ирина, снимая туфли. Движения были автоматическими, отточенными одиннадцатью годами брака. Снять пальто. Повесить. Поцеловать мужа в щеку.

Алексей чмокнул её в губы. Коротко. Суховато. Как всегда.

— Как прошел день?

— Нормально, — сказала Ирина, проходя в кухню. — Сложный клиент.

— Этот архитектор? Зорин?

Ирина замерла посреди комнаты. Откуда он знает имя?

— Да. А откуда ты знаешь?

— Ты упоминала на прошлой неделе. Когда жаловалась на перерасход бюджета по смете, — Алексей пожал плечами, возвращаясь к плите, где что-то шкварчало на сковороде. — Я слышал о нем. Говорят, гений. Но сложный человек. С ним трудно иметь дело.

«Сложный», — повторила про себя Ирина. Да. Сложный. Как лабиринт, из которого нет выхода, и в который страшно, но так хочется войти.

На кухне пахло жареным луком, мясом и укропом. Уютно. Домашне. Смертельно скучно.

Ирина села за стол, наблюдая за широкой спиной мужа. Алексей готовил ужин. Он делал это хорошо, аккуратно, без суеты, с любовью к процессу. Раньше она ценила эту заботу, видела в ней проявление любви. Теперь она вызывала странное, колючее раздражение. Почему он не спрашивает, как прошла встреча? Что она чувствовала? О чем думала, когда смотрела на этого человека? Ему было достаточно факта: «всё нормально, клиент сложный». Ему не нужна была её душа, ему нужен был её комфортный отчет о дне.

— Лёш, — позвала она тихо. Голос прозвучал хрупко, почти чужеродно в этом привычном пространстве.

— М? — он обернулся, держа в руке деревянную лопатку.

— А ты счастлив?

Алексей удивленно поднял бровь. В его добрых, чуть усталых глазах мелькнуло недоумение.

— Что за вопрос? Конечно, счастлив. У меня есть хорошая работа, этот дом, ты... Чего еще желать?

Ирина опустила взгляд в свою пустую тарелку. Ей вдруг захотелось закричать. Или расплакаться. Или рассказать ему всё: о взгляде Дмитрия, о дрожи в коленях, о том, что она чувствует себя призраком в собственной жизни. Но слова за-

стряли в горле, сдавленные привычкой молчать.

— Просто так. Подумала, — выдавила она.

— Ты какая-то странная сегодня, — сказал Алексей, наливая густой суп в глубокую тарелку и ставя перед ней. Пар поднялся вверх, затуманивая её очки. — Устала? Может, возьмешь выходной в пятницу? Съездим за город? В тот домик у реки?

Ирина вспомнила тот домик. Маленький, деревянный, с потрескивающей печкой и видом на серую, спокойную реку. Тишина. Птицы. Отсутствие интернета и новостей. Раньше она мечтала об этом как о спасении. Теперь мысль о двух днях полной изоляции с Алексеем, наедине с этой звенящей, давящей тишиной, вызывала у неё холодную панику.

— Не знаю, — уклончиво ответила она, беря ложку. — Посмотрим по нагрузке. В конце квартала всегда завал.

Алексей вздохнул, но не стал настаивать. Он сел напротив, начал есть. Разговор плавно перетек в привычное, безопасное русло: протекающий кран в ванной, планы на отпуск летом, новая машина соседей, которая царапает их ворота.

Ирина слушала вполуха, механически отправляя еду в рот. Её мысли были далеко. Она представляла, что было бы, если бы сейчас вместо Алексея за этим столом сидел Дмитрий. Что бы он сказал? Как бы он смотрел? Он бы не говорил о кранах и соседях. Он бы говорил о мечтах. О страсти. О том, как важно иногда ломать правила, чтобы почувствовать вкус жизни.

Ей стало стыдно. Глубоко, мучительно, жгуче стыдно.

Алексей был хорошим человеком. Он любил её. Заботился. Никогда не повышал голос. Никогда не давал повода для ревности. Он был скалой.

А она... она вдруг поняла, что устала быть мхом, растущим на этой скале. Она мечтала о шторме.

После ужина Ирина помогла убрать со стола. Алексей включил телевизор. Новости. Голос диктора заполнил комнату монотонным, усыпляющим гулом.

— Я пойду в душ, — сказала Ирина, чувствуя, как на коже натягивается невидимая пленка.

— Хорошо, — кивнул Алексей, не отрывая взгляда от экрана, где показывали пробки на МКАДе.

В ванной Ирина закрыла дверь на замок. Щелчок замка прозвучал как глоток свежего воздуха. Она включила воду, добавила пену с запахом лаванды — успокаивающим, предсказуемым запахом. Села в ванну, погружаясь в горячую воду по шею. Закрыла глаза.

Но вместо успокоения, в темноте за веками снова возникло лицо Дмитрия. Его руки на столе. Его голос: «Ошибки — это детали конструкции».

Ирина медленно провела мокрой рукой по своему телу. По мягкой линии живота, по широкому, округлому бедру. Раньше она стеснялась этих форм. Прятала их под мешковатыми кофтами и длинными юбками, считая их недостатком, который нужно скрыть от мира. Но сегодня, в офисе, она по-

чувствовала на себе его взгляд. Он не осуждал. Он не искал изъянов. Он изучал. Как художник изучает модель, находя красоту в каждом изгибе, в каждой тени.

«Ты красивая», — будто услышала она его низкий, бархатистый голос.

Сердце забилось чаще, отстукивая ритм, несовместимый с тишиной ванной. Вода вдруг показалась слишком горячей, обжигающей. Ирина вылезла из ванны, завернулась в пушистое полотенце и подошла к зеркалу, протирая запотевшее стекло ладонью.

Она сняла очки. Без них мир становился размытым, мягким, лишенным резких углов. Она посмотрела на свои глаза. Темные, глубокие, с поволокой тайны, которую она прятала так долго. На губы. Пухлые, чувствительные, сейчас слегка припухшие от горячей воды.

Её взгляд скользнул в сторону шкафчика. Там, в дальнем углу, за банками с кремом, лежал тюбик помады. Ярко-красной. Ту, что она купила полгода назад в порыве минутной слабости. «Для особого случая», — подумала тогда. Случай так и не наступил.

Ирина открыла шкафчик. Достала тюбик. Открутила крышку.

Она накрасила губы. Яркое, вызывающее пятно цвета спелой вишни на бледном, влажном лице.

Она улыбнулась своему отражению. Улыбка вышла хищной. Чужой. Живой.

«Кто ты?» — спросила она себя.

Ответа не было. Только тишина ванной и шум воды в трубах.

Она взяла ватный диск, смочила его мицеллярной водой и стерла помаду. Яркий цвет размазался, превратившись в бледно-розовое пятно, а затем исчез, не оставив следа. Она спрятала тюбик глубоко в шкафчик, за другие баночки. Вернула маску на место.

Когда она вышла из ванной, Алексей уже спал на диване. Телевизор был выключен, пульт лежал на полу. В комнате царил полумрак, нарушаемый только светом уличного фонаря, пробивающимся сквозь щель в шторах.

Ирина тихонько прошла в спальню. Легла в кровать, натянув одеяло до подбородка. Закрыла глаза.

Но сон не шел.

Она лежала и слушала тишину. И вдруг поняла: тишина больше не успокаивает. Она давит. Она заполняет легкие, как вода.

На тумбочке, в полной темноте, мигнул экран телефона. Одно сообщение. От неизвестного номера.

Ирина замерла. Сердце пропустило удар, а затем забилось где-то в горле.

Она протянула руку, взяла телефон. Яркий свет экрана ослепил на секунду.

«Вы забыли ручку в переговорной. Она синяя. Как ваши глаза, когда вы злитесь. Д.З.»

Ирина перечитала сообщение три раза. Дыхание стало поверхностным.

Он взял её ручку? Зачем? Чтобы иметь предлог?

И как он узнал цвет её глаз? Она была в очках, она смотрела в экран ноутбука, она пряталась за стеклами и цифрами. Но он видел. Он смотрел не на аудитора. Он смотрел на женщину.

Гнев вспыхнул мгновенно, горячий и защитный. Нарушение границ. Вторжение. Игра. Он пытался вывести её из равновесия, и, черт возьми, у него получалось.

Она хотела ответить грубо. Холодно. «Верните ручку через секретаря. И не пишите мне на личный номер».

Но пальцы, словно живые своей собственной, предательской жизнью, набрали другое:

«Оставьте её себе. На память о нашей встрече».

Она нажала «Отправить».

Бросила телефон на подушку, как раскаленный уголь.

Закрыла лицо ладонями.

Что она наделала? Она только что дала ему зеленый свет. Она перешагнула через черту, которую сама же так старательно охраняла.

Но внутри, где-то глубоко, под слоями вины и страха, шевельнулось тепло. Предвкушение. Темное, сладкое, запретное.

Игра началась. И Ирина, к своему ужасу и восторгу, поняла, что не хочет из неё выходить.

ГЛАВА 3. АРХИТЕКТУРА ЛЖИ

Утро следующего дня началось с тупой, пульсирующей боли в висках. Ирина проснулась с ощущением, что не спала вовсе, а лишь проваливалась в вязкий, тревожный полусон, где переплетались цифры отчетов и светлые, насмешливые глаза Дмитрия.

Алексей уже ушел на работу. На кухне, на столе, аккуратно прикрытом салфеткой, стоял термос и лежала записка, написанная его крупным, размашистым почерком: «Кофе готов. Хорошего дня, Ир».

Ирина налила кофе в чашку. Горький. Крепкий. Он обжег горло, но не прогнал туман в голове. Она смотрела на записку и чувствовала укол вины, острый и холодный, как осколок стекла. Алексей заботился о ней. Он создавал этот уют. А она... она лежала ночью с открытыми глазами и мечтала о мужчине, которого знала всего несколько часов.

«Это просто адреналин, — убеждала она себя, смывая чашку. — Стресс от сложного клиента. Это пройдет».

Но в офисе «Гранита» ничего не проходило. Наоборот, с каждой минутой напряжение росло. Коллеги здоровались, обсуждали новости, пили чай, но Ирина слышала только гул в ушах. Цифры на экране монитора расплывались, теряли смысл. Она постоянно, почти маниакально, проверяла телефон. Экран загорался, показывая уведомления от рабочих

чатов или рекламу, но не от него.

Тишина с его стороны была оглушительной. И эта тишина была его оружием. Он дал ей мяч, и теперь ждал, когда она сама сделает ход. Это была игра на выживание, где проигравшим становился тот, кто первым моргнет.

В полдень раздался стук в приоткрытую дверь кабинета.

— Ирина Александровна, — в проеме возникла Света, держа в руках небольшую, элегантную черную коробку, перевязанную тонкой серебристой лентой. — Вам курьер. От бюро «Зодчий».

Ирина медленно оторвала взгляд от монитора. Сердце сделало тяжелый, глухой удар о ребра.

— Что он привез?

— Не знаю. Коробка небольшая. Без сопроводительных документов.

— Оставьте здесь. И закройте дверь, Светлана.

Как только щелкнул замок, Ирина потянулась к коробке. Картон был плотным, дорогим. Она медленно, словно разматывая фитиль бомбы, развязала ленту и сняла крышку.

Внутри, на бархатной подложке, лежала та самая синяя ручка Parker, которую она якобы забыла. А рядом с ней — маленький, изящный флакон духов из темного стекла. Без названия. Только минималистичная черная этикетка.

Ирина взяла флакон. Стекло было прохладным. Она открутила крышку и поднесла его к лицу.

Запах ударил в нос мгновенно. Сандал. Табак. Морская

соль. И та самая неуловимая, дикая нотка металла и дождя. Это был его запах. Запах Дмитрия Зорина.

Под флаконом лежала маленькая карточка с рукописным текстом. Почерк был размашистым, уверенным, с резкими нажимами.

«Чтобы вы помнили вкус победы. И поражения. Д.З.»

Ирина почувствовала, как жар приливает к щекам, обжигая уши. Это было нагло. Дерзко. Интимно. Он вторгался в её стерильное пространство, принося с собой хаос, и делал это с такой изящной жестокостью, что у неё перехватило дыхание.

Она быстро спрятала коробку в нижний ящик стола, захлопнула его и откинулась на спинку кресла. Руки дрожали. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Но даже в воздухе кабинета, пахнущем пылью и озоном от принтера, ей чудился этот аромат.

Весь оставшийся день она пыталась сосредоточиться на работе, но мысли неумолимо возвращались к черному флакону. К его запаху. К тому, как он произнес её имя.

К вечеру, когда офис опустел и за окнами сгустились сумерки, Ирина поняла, что не может просто пойти домой. Не может вернуться в ту квартиру, к тому термосу и к той звенящей, давящей тишине. Ей нужно было что-то сделать. Какой-то шаг.

Она зашла в туалет, чтобы поправить макияж. В зеркале она увидела себя. Усталую, но в глубине темных глаз горел

тот самый огонек, который она так долго и старательно гасила.

Она достала из сумочки тот самый черный флакон. Брызнула крошечную каплю на внутреннюю сторону запястья. Растерла.

Запах окутал её невидимым облаком. Он стал частью её кожи, её дыхания. Это был её секрет. Её невидимая броня и одновременно вызов.

Ирина вышла из офиса. На улице уже стемнело. Москва сияла мириадами огней, отражаясь в мокрых лужах, как перевернутое звездное небо. Дождь начинался снова, мелкий и пронизывающий.

Она достала телефон. Набрала его номер. Она знала его наизусть, хотя сохранила его в контактах всего пару часов назад под именем «Д. Зорин (Архитектор)».

Гудки шли долго. Каждый гудок отдавался в висках. Ирина уже хотела сбросить вызов, сбежать, как трус, назад в свою безопасную жизнь, когда трубку взяли.

— Да? — голос был низким, хриплым. Будто он только что проснулся. Или занимался чем-то, что не предполагало разговоров по телефону.

— Это Ирина, — сказала она. Старалась, чтобы голос звучал твердо, но предательская хрипотца все же прорвалась.

— Я знаю, — ответил он. В голосе прозвучала легкая, торжествующая усмешка. — Я ждал вашего звонка, Ирина Александровна.

— Зачем вы прислали мне духи? — спросила она, игнорируя его подтекст.

— Чтобы вы думали обо мне. Когда смотрите на цифры. Когда пьете кофе. Когда ложитесь спать.

Ирина сжала телефон так, что побелели костяшки пальцев.

— Это манипуляция, Дмитрий.

— Это внимание, — мягко возразил он. — Разве вы не чувствуете, как оно вам нужно?

Она молчала. Потому что он был прав. Чертовски, невыносимо прав.

— Я хочу установить свои правила, — наконец выдавила она.

— Договорились, — его тон мгновенно стал деловым, но в этой деловитости скрывалась сталь. — Завтра. Вечер. Ресторан «Турандот». Восемь часов.

— Это свидание? — спросила она, и сердце снова пропустило удар.

— Это продолжение аудита, — усмехнулся он. — Нам нужно обсудить детали проекта. Лично. Без свидетелей. Без протоколов.

— Я замужем, — напомнила она. Эта фраза звучала как заклинание, которое теряло свою силу с каждым повторением.

— Я не предлагаю вам изменить мужу, Ирина, — сказал он тихо, и его голос стал таким близким, будто он стоял пря-

мо за её спиной, шепча эти слова в ухо. — Я предлагаю вам изменить себе. Стать той, кем вы боитесь быть. Той, которая хочет жить, а не существовать. Придете?

Ирина посмотрела на свое отражение в темной витрине закрытого магазина. На яркую, вызывающую помаду, которую она так и не стерла. На горящие, живые глаза. Она почувствовала запах сандала на своем запястье.

— Приду, — сказала она.

— Жду, — ответил он. И отключился.

Ирина стояла на тротуаре, держа телефон в руке. Холодный дождь начал моросить сильнее, но ей было тепло. Очень тепло. Внутри разгорался огонь, который она больше не хотела тушить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.